

В ЧЕСТЬ СУДЬИ В.С. ВЕРЕЩЕТИНА*

Одним из событий, анализируемым в настоящем выпуске 2006 года, в Международном Суде ООН стало избрание новых членов Суда, в том числе из Российской Федерации.

Вступлению в должность нового судьи от РФ мы посвятим отдельный материал, настоящая же статья посвящена завершившему свои полномочия судье Владлену Степановичу Верещетину.

1995-2006 годы ознаменовались воистину огромным вкладом судьи В.С. Верещетина как в деятельность Международного Суда, так и, в целом, в международное право.

Владлен Степанович Верещетин родился 8 января 1932 года в г. Брянск.

В 1954 году окончил факультет международного права МГИМО. В 1958 году закончил аспирантуру по специальности «Международное право» МГИМО. Кандидатскую диссертацию защитил в 1959 году, а докторскую – в 1976 году. С 1982 года – профессор.

* Когда макет настоящего выпуска КЖМП был уже в печати, мы обнаружили, что статья схожего содержания – в честь 75-летия профессора В.С. Верещетина – только что была опубликована в журнале «Государство и право». (См.: Пунжин С.М., Вайлс Н., «Российский учёный в Международном Суде ООН», // Государство и право, 2007, № 4 с. 47-55). Однако обращаем внимание наших читателей на то, что в отличие от статьи указанных авторов, где упомянуты только некоторые особые позиции судьи В.С. Верещетина, мы рассматриваем все особые позиции, которые были заявлены Владленом Степановичем за время его работы в Международном Суде.

С 1958 по 1967 годы – сотрудник аппарата Президиума Академии наук СССР. В 1967-1981 годах – Первый заместитель председателя и советник по правовым вопросам ИНТЕРКОСМОСа при Академии наук СССР.

В 1981-1995 годах – Заместитель директора и Руководитель отдела международного права Института государства и права Академии наук СССР. В эти же годы Владлен Степанович возглавляет Научный совет по международному и сравнительному праву Института. В 1979-1982 годах – профессор Университета дружбы народов. В 1991 году – профессор международного права Школы права в университете Акрона (США).

Читал лекции по теории и различным отраслям международного права в Институте международного права и международных отношений в Салониках (Греция), Европейском университете во Флоренции (Италия), университетах Акрона и Миссисипи (США), Институте международного публичного и частного права в Гааге (Нидерланды).

С 1984 года – член Постоянной палаты третейского суда в Гааге.

В 1979-1990 годах – член делегации СССР на сессиях Комитета ООН по использованию космического пространства и его Юридического подкомитета.

В 1992-1994 годах – член Комиссии международного права ООН. В 1994 году возглавлял Комиссию.

С 1985 года – вице-президент Советской, затем – Российской ассоциации международного права. С 1984 года – вице-президент Советской, затем – Российской ассоциации содействия ООН.

С 1978 года – вице-президент, Почетный директор Международного института космического права.

С 1990 года – член Комитета по вопросам политики и финансов Ассоциации международного права.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1995 г.)

Награжден орденами Октябрьской революции, Дружбы народов и «Знак почета» (1981, 1971, 1967 годы).

Член Редакционных Советов «Российского юридического журнала», «European Journal of International Law» и «Journal of Space Law».

В.С. Верещетин был избран судьей Международного Суда ООН 26 января 1995 года и переизбран вновь в октябре 1996 года.

За годы работы в Международном Суде В.С. Верещетин принял участие в рассмотрении 40 дел, включая 4 консультативных заключения.

Во время визита в Международный Суд Президента России в 2005 году Председатель Суда Д.Ши заявил: «Нет ничего более приятного для меня, чем отметить огромный вклад судьи Верещетина в коллегиальную деятельность Суда. Острый ум и естественное интеллектуальное любопытство судьи Верещетина всегда вдохновляли правовые дебаты Суда, а его глубокое понимание российской традиции международного права являлось озаряющим для его коллег»¹.

Действительно, решения по таким делам, как *Ордер на арест*, отличаются глубочайшим анализом, безупречной точностью формулировок и важным вкладом в развитие действующего международного права. Несмотря на то, что позиция каждого конкретного судьи и его вклад в общее решение Суда являются тайной, в некоторых случаях можно догадаться, что то или иное решение испытывает особое влияние оп-

¹ Address by Judge Shi, President of the International Court of Justice, on the Occasion of the Visit by the President of the Russian Federation, Mr. Vladimir Putin, 2 November 2005.

ределенного специалиста. Конечно, догадки – дело опасное, однако рискну предположить, что среди решений Суда, испытавших на себе наибольшее влияние позиции Владлена Степановича, следует в первую очередь назвать решение по делу *Ордер на арест (Демократическая Республика Конго против Бельгии)*. Данное решение является безусловной жемчужиной решений Международного Суда последних лет². Прежде всего, это относится к «высшему пилотажу» правовой аргументации и безупречным выводам. Многие части решения можно использовать в качестве учебного материала по ряду разделов международного права, прежде всего, таких как «Юрисдикция в международном праве», «Дипломатическое право» и «Международное уголовное право». Данное решение важно отметить еще и потому, что в настоящее время существует ряд государств, которые хотят своей практикой изменить существующие нормы действующего международного права. Такая позиция охватывает все уровни: и обучение (например, в ряде зарубежных учебников международного права среди источников международного права прямо называются практика государств и национально-правовые акты), и законодательство, и судебная практика. Эти государства пытаются утверждать, что их практика создает некие «тенденции развития международного права»³. Решение по делу об ордере на арест внесло ясность не только по данному конкретному спору между ДРК и Бельгией, но дало понять, что большинство Международного Суда не поддерживает создание «нового» международного права в обход законных форм и методов его создания.

Интересно отметить, что В.С. Верещетин посвятил анализу этого решения Суда несколько академических работ. В одной из них Владлен Степанович отметил, что решение Суда касалось иммунитета *действующего* министра иностранных дел, но не затронуло вопроса о том, имеет ли иммунитет за совершение самых тяжких международных преступлений *бывший* министр иностранных дел. Он высказал свою позицию о том, что признание иммунитета бывших высших руководителей противоречило бы самой цели института иммунитета. Это подтверждается давно сформированной позицией Суда, согласно которой иммунитеты предоставляются не для личного пользования, а для исполнения функций от имени государства или международной организации⁴.

* * * * *

При анализе вклада В.С. Верещетина в деятельность Международного Суда и в международное право в целом, особое внимание следует уделить его особым позициям, которые он занимал по ряду рассматривавшихся Судом споров.

За годы работы в Международном Суде В.С. Верещетин заявил 10 деклараций, 4 особых и 6 несогласных мнений.

Многие из этих блестящих юридических текстов можно рассматривать как доктрину, то есть тот самый источник, который указан в статье 38 Статута Международного Суда! Действительно, эти тексты отвечают всем требованиям для того, чтобы быть квалифицированными в качестве «трудов наиболее выдающихся специалистов в области международного права».

² Анализ решения см.: Мезяев А.Б. Дело об ордере на арест (Демократическая Республика Конго против Бельгии) // Российский ежегодник международного права - 2003, СПб., 2003, с. 84-99.

³ См.: Курдюков Г.И., Мезяев А.Б., Проблема универсальной юрисдикции в современном международном праве // Ученые записки Казанского университета. Том 144, 2003, с. 464-476.

⁴ См.: Vereshchetin V.S., On the Expanding Reach of the Rulings of the International Court of Justice // *Volkerrecht als Wertordnung. Common Values in International Law. Essays in Honour of Ch. Tomuschat*, N.P.Engel Verlag, 2006, p. 626.

Вообще, внимание к особым позициям отдельных судей Международного Суда и других судов всегда было достаточно высоким. Анализу значения этого института посвящено немало академических трудов. Ряд выдающихся юристов-международников неоднократно подчеркивали те или иные важнейшие аспекты особых позиций международного судьи.

Так, например, Х.Лаутерпахт писал, что «включив положение о праве судей на особое или несогласное мнение, Статут Международного Суда внес полезный вклад в развитие международного права и авторитет международной юстиции»⁵.

Дж.Фитцморис отмечал, что «конечно, наилучшим вариантом является решение, принятое единогласно, но такое решение привлекает гораздо меньшее внимание юристов, нежели принятое большинством и сопровождаемое несколькими особыми или несогласными мнениями»⁶. Он также подчеркивал, что «во многих случаях решение может быть должным образом понято только в свете противоположного мнения»⁷. В этом его поддерживал и Х.Лаутерпахт: «Трудно назвать какое-либо дело, в котором индивидуальное мнение не помогало бы лучшему пониманию общего решения Суда»⁸.

Профессор международного права Р.Ананд (Индия) считал, что «особое или несогласное мнение – не только право, но должно рассматриваться как обязанность судьи»⁹.

Профессор Л.Протт (Австралия) подчеркивал, что Международный Суд ООН не может просто требовать исполнения вынесенного им решения, полагаясь на свою власть, но должен убедить стороны в своей правоте, и институт индивидуальных мнений играет здесь весьма важную роль¹⁰.

Профессор Мэрфи (США) отмечал, что довольно часто несогласное мнение вчера становится действующим правом сегодня. И хотя он писал это в контексте англосаксонского права, данный вывод во многом справедлив и в отношении международного права. Несмотря на наличие определенных несовпадений в подходах юристов различных правовых систем (в первую очередь, представителей романо-германской и англосаксонской правовых систем), институт особого и несогласного мнения в международном праве объективен. Профессор И.Хусаин (Пакистан) считает, что эта обусловленность диктуется самим характером международного права, прежде всего, его не[полной] кодифицированностью¹¹.

Значение особой позиции судьи В.С. Верещетина, таким образом, является важным не только для более глубокого понимания тех конкретных споров, которые рассматривались Международным Судом, но и для более глубокого осмысления важнейших вопросов современного международного права.

Фактически, через свою особую позицию, занятую им по ряду решений Суда, В.С. Верещетин написал своеобразный учебник актуальных проблем международного права. Глубокому анализу этого учебника должны быть посвящены монографии. В настоящей статье мы предпримем лишь попытку кратко очертить те главные вопросы, которые были столь глубоко разработаны Владленом Степановичем в его особой позиции в отношении ряда решений Международного Суда.

⁵ Lauterpacht H., *The Development of International Law by the International Court*, London, 1958, p. 66.

⁶ Fitzmaurice G., *The Law and Procedure of the International Court of Justice: General Principles and Substantive Law* // *British Yearbook of International Law*, vol. 27, 1950, p. 1-2.

⁷ Ibid.

⁸ Lauterpacht H., *Op. cit.*, p. 69.

⁹ Anand R.P., *The Role of Individual and Dissenting Opinions in International Adjudication* // *International and Comparative Law Quarterly*, July 1965, vol. 14, p. 807.

¹⁰ Prott L., *The Latent Power of Culture and the International Judge*, Professional Books, Abingdon, Oxon, 1979, p. 116.

¹¹ Hussain I., *Dissenting and Separate Opinions at the World Court*, Martinus Nijhoff Publishers, Dordrecht/Boston/Lancaster, 1984, p. 7.

Декларации В.С. Верещетина

В 1995-2006 годах В.С.Верещетин заявил 10 деклараций¹².

*В декларации¹³ по делу *Сухопутная и морская граница (Камерун против Нигерии)* [Распоряжение по временным мерам, 1996] В.С. Верещетин отметил, что в связи с неясностью фактического положения дел во время пограничного инцидента между Камеруном и Нигерией (стороны представили прямо противоположную информацию), а также отказом самого Суда от прояснения этого вопроса распоряжение Международного Суда «обеспечить положение их войск на момент до 3 февраля 1996 года» оставляет сторонам самим определять это положение. Таким образом, решение Суда можно расценить как содержащее внутреннее противоречие.

*В декларации по делу *Морская делимитация и территориальный вопрос (Катар против Бахрейна)* (2001 г.) В.С. Верещетин не согласился с решением Суда о том, что принадлежность одного из спорных островов может быть определена исключительно на основе решения бывшей метрополии [формально – *protected power*]. Международный Суд заявил, что, установив принадлежность суверенитета над островом на основе британского решения 1939 года, в исследовании аргументов сторон по оригинальному титулу, по *effectivite* и по принципу *uti possidetis juris* нет необходимости.

В своей декларации Владлен Степанович Верещетин совершенно точно заявил, что базировать свое решение без учета других факторов недопустимо. Более того, В.С. Верещетин квалифицировал данный подход Суда как вызывающий вопросы с точки зрения его международно-правовой законности.

*Декларация по консультативному заключению в деле *Законность применения или угрозы применения ядерного оружия* (1996 года). Это решение занимает особое место в истории Международного Суда. Решение по одному из пунктов было принято семью голосами против семи при решающем голосе президента Суда. Суд постановил, что «с учетом нынешнего состояния международного права и тех материалов дела, которыми Суд располагает, Суд не может сделать окончательный вывод о том, будут ли угроза ядерным оружием или его применение законными или незаконными в чрезвычайном случае самообороны, когда под угрозу поставлено само дальнейшее существование государства».

Ответ Суда, – заявил В.С. Верещетин, – с моей точки зрения, адекватно отражает сложившееся правовое положение и некоторым образом указывает на дальнейшее развитие норм международного права, применимых в период вооруженного конфликта. Однако я считаю себя обязанным разъяснить причины, вынудившие меня голосовать за пункт 2 Е постановляющей части, который создает впечатление о нерешительности Суда и косвенно признает существование «серой области» в нынешнем регулировании этого вопроса. Сторонники мнения о том, что любому суду должно быть запрещено заявлять о *non liquet*, рассматривают это запрещение как непосредственное следствие концепции «полноты» правовой системы. Критически оценивая значение для нашего дела теоретической полемики по вопросу о *non liquet*, нельзя упускать из виду тот факт, что эта полемика касается, главным образом, если не исключительно, допустимости или недопустимости *non liquet* в ходе процедуры рассмотрения споров, когда Суд призван вынести обязательное окончательное решение, урегулирующее спор между Участниками. Даже в таких случаях

¹² Из них пять деклараций идентичного содержания вынесены по делу Югославия против стран НАТО и рассматриваются в связи с их логикой в разделе «Несогласные мнения В.С. Верещетина».

¹³ Совместно с судьями Ши (Китай) и Веерамантри (Шри Ланка).

возможность заявления о *non liquet* не исключается некоторыми авторитетными специалистами в области права, хотя данную точку зрения нельзя убедительно обосновать арбитражной и судебной практикой. Однако в связи с настоящим делом Суд участвует в консультативной процедуре. Ему предложено не разрешить фактический спор между конкретными государствами-участниками, а изложить соответствующие нормы права, если он их определит на нынешнем этапе развития права. Ничто в формулировке вопроса, поставленного перед Судом, или же в письменных и устных представлениях государств Суду нельзя толковать как просьбу заполнить пробелы, если таковые будут найдены, в нынешнем статусе норм права, касающихся этого вопроса. Напротив, несколько государств прямо указали, что Суд «не просят быть законодателем или разработать режим ядерного разоружения» и что «Суд не должен ни теоретизировать, ни заниматься нормотворчеством, но будет разъяснять право, каким оно существует и как он его понимает...». Даже если бы Суд просили заполнить пробелы, ему пришлось бы отказаться брать на себя бремя нормотворчества, которое вообще не должно быть функцией Суда. В ходе консультативной процедуры, когда Суд находит пробел в праве или находит право несовершенным, он должен всего лишь указать на это, не пытаясь заполнить пробел или улучшить право посредством судебного нормотворчества. Суд нельзя винить в нерешительности или уклончивости, если право, которое он должен применить, само по себе является неубедительным. Еще менее обоснованным было бы любое утверждение о нерешительности или уклончивости Суда в связи с данным конкретным Заключением, в котором дается недвусмысленный – пусть и не исчерпывающий – ответ на поставленный перед Судом вопрос. В своем ответе Суд ясно признает, что угроза ядерным оружием или его применение подпадали бы под действие запрещений и жестких ограничений, установленных Уставом Организации Объединенных Наций и рядом других многосторонних договоров и конкретных положений, а также обычными нормами и принципами права вооруженных конфликтов. Более того, Суд установил, что угроза ядерным оружием или его применение «в целом противоречили бы нормам международного права, применимым в период вооруженного конфликта, и в частности, принципам и нормам гуманитарного права». Вполне вероятно, что посредством предположения, заключения или по аналогии Суд (причем именно это некоторые государства в своих письменных и устных докладах призывали его сделать) мог бы вывести из вышесказанного некую общую норму, полностью запрещающую угрозу ядерным оружием или его применение, не оставляя места для какой-либо «серой области», даже носящей исключительный характер. Однако Суд не мог игнорировать некоторые важные соображения, которые воспрепятствовали тому, чтобы он пошел по этому пути. К тем соображениям, которые были изложены в мотивировочной части Заключения, я хотел бы добавить следующее. Те самые государства, которые призывали Суд проявить мужество и выполнить свою «историческую миссию», настаивали на том, чтобы Суд оставался в рамках своей судебной функции и не выступал в качестве законодателя, просили Суд изложить право таким, каким оно является, а не таким, каким оно должно быть. Во-вторых, Суд не может не отметить тот факт, что в прошлом все действующие запрещения в отношении применения других видов оружия массового уничтожения (биологического, химического), а также особые ограничения в отношении ядерного оружия устанавливались с помощью конкретных международных договоров или отдельных договорных положений, что, несомненно, указывает на образ действия, выбранный международным сообществом как наиболее подходящий для установления полного запрещения применения оружия массового уничтожения и

его окончательной ликвидации. И, в-третьих, Суд должен позаботиться об авторитетности и действенности «выведенной» общей нормы, касающейся вопроса, по которому мнения государств столь существенно расходятся. С моей точки зрения, – подчеркнул судья Верещетин, – рассматриваемое дело представляет собой хороший пример случая, когда абсолютная ясность Заключения была бы «обманчивой» и когда, с другой стороны, его кажущаяся нерешительность может оказаться полезной в качестве руководства к действию. Суд также показал, что наиболее подходящим способом положить конец существованию любых «серых областей» в правовом статусе ядерного оружия было бы «ядерное разоружение во всех его аспектах под строгим и эффективным международным контролем». Соответственно, Суд установил, что существует обязательство государств вести в духе доброй воли и завершить переговоры, ведущие к достижению этой высшей цели.

Через три года после вынесения данного решения в своей статье, опубликованной в сборнике, посвященном президенту Международного Суда Мохаммеду Беджауи, Владлен Степанович Верещетин на академическом уровне вновь вернулся к проблемам теории международного права, затронутым в этом консультативном заключении¹⁴. По существу, главной проблемой решения суда был вопрос о возможности провозглашения *non liquet*. В.С. Верещетин отметил, что судебная функция заключается не в восполнении пробелов в праве, но в вынесении решения о том, каково фактическое состояние права по тому или иному вопросу. Что касается возможности провозглашения *non liquet* Международным Судом, то Владлен Степанович отметил разницу между делами, переданными Суду государствами и консультативными заключениями. Полномочия Международного Суда по даче консультативного заключения являются дискреционными, так как он может отказаться вынести решение или отказаться дать полный ответ. Трудно не согласиться с Владленом Степановичем, что ответ, данный Международным Судом в форме *non liquet*, возможно, окажет международному праву большую службу, чем, если бы Суд попытался восполнить пробелы права с помощью логических выводов и конструкций.

*Особо следует сказать о деле по Конвенции о геноциде (*Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории*). Окончательному решению по данному делу посвящена большая статья, публикуемая в настоящем выпуске журнала. Однако в рамках данной статьи следует сказать, что позиция, занятая В.С. Верещетиным в этом сложнейшем деле, в течение почти 14 лет его рассмотрения в Суде продолжала занимать значительное место даже после ухода Владлена Степановича из состава Суда.

Так, во время слушаний в Суде известный британский юрист-международник Ян Браунли в течение 10 минут цитировал декларацию В.С. Верещетина к решению Суда [по предварительным возражениям, 1996]. В этой декларации¹⁵ Владлен Степанович резонно оспорил позицию, занятую большинством по статье IX Конвенции о геноциде 1948 года, касающейся «ответственности государств». Обращение В.С. Верещетина к *travaux preparatoires* Конвенции показало, что во время подготовки проекта текста статья IX была принята на самом последнем этапе шатким большинством в 19 голосов против 17 (при 9 воздержавшихся). Более того, Владлен Степанович отметил, что принятие этой статьи не повлекло никаких модификаций других статей. Таким образом, истинное значение текста статьи IX остается не вполне ясным. Однако, применив телеологический и систематический методы толкования права, В.С. Верещетин заключил, что сутью Конвенции является то, что она представляет собой инструмент

¹⁴ См.: Vereshchetin V.S., Is «Deceptive Clarity» Better than «Apparent Indecision» in an Advisory Opinion? // *Liber Amicorum Judge Mohammed Bedjaoui*, Kluwer Law International, 1999, p. 531-543.

¹⁵ Совместно с судьей Ши (Китай).

уголовной ответственности индивидов. Государства-участники должны наказывать лиц, ответственных за геноцид, независимо от того, являются ли они руководителями государства или частными лицами, а также должны принять соответствующее законодательство на этот счет. В своей декларации В.С. Верещетин убедительно доказал, что современное международное право в целом и Конвенция 1948 года, в частности, не предусматривают уголовной ответственности государств, и потому статья IX Конвенции должна пониматься только в контексте других норм и самой Конвенции, и международного права во всем его объеме.

Интересно отметить, что большинство Международного Суда в окончательном решении по делу, вынесенном уже после ухода Владлена Степановича из состава Суда в феврале 2007 года, отказалось (по известным политическим причинам) от верной аргументации В.С. Верещетина. Но что интересно: обоснование позиции большинства выглядит не только малоубедительно, но и умалчивает об аргументации В.С.Верещетина, что ярко показывает простую невозможность опровержения такой аргументации¹⁶!

Особые мнения В.С. Верещетина

В 1995-2006 годах В.С. Верещетин заявил 4 особых мнения.

*В особом мнении по решению МС в деле *Восточный Тимор (Португалия против Австралии)* Владлен Степанович, соглашаясь с общим решением Суда об отсутствии у него юрисдикции рассматривать данное дело в связи с отсутствием согласия Индонезии, отметил, что имеется и другая причина. К сожалению, Суд не рассмотрел и не назвал эту причину, но в контексте данного дела она, может быть, являлась более важной! Судья Верещетин отметил, что в настоящем деле сутью проблемы является вопрос о самоопределении народа¹⁷, и при решении любого спора, затрагивающего Восточный Тимор, Международный Суд должен иметь, как минимум, свидетельство согласия народа Тимора. В целом же судья Верещетин заявил, что народ Тимора должен принимать участие в рассмотрении дела. В отсутствие выполнения этого требования, Международный Суд не может рассматривать спор.

*В особом мнении по решению Международного Суда в деле *Сухопутная и морская граница (Камерун против Нигерии)* [Решение по предварительным возражениям, 1998] судья Верещетин заявил, что не может согласиться с решением большинства Суда о том, что между сторонами существует спор в отношении всей границы. Такое решение не основано ни на фактах дела, ни на вопросах права, так как Суд необъективно определил, что юридическая основа всей границы оспаривается одной из сторон.

*В особом мнении¹⁸ по делу *Уголовное дело во Франции (Конго против Франции)* [Распоряжение о временных мерах, 2003] В.С. Верещетин подчеркнул, что при рассмотрении вопроса об установлении временных мер защиты Суд должен оценить все аспекты дела, включая вопрос о возможных негативных последствиях нарушения права. Негативные последствия нарушения прав Конго могут иметь намного более значительные негативные последствия, нежели сам факт нарушения этих прав. Владлен Степанович Верещетин указал, что Суд не придал должного внимания риску

¹⁶ Подробнее об этом см.: Месяев А.Б. «Решение Международного Суда ООН в деле о геноциде (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории): Некоторые актуальные вопросы международного права» в настоящем выпуске журнала.

¹⁷ На момент рассмотрения дела (1995 год) Восточный Тимор являлся частью территории Индонезии и стал независимым государством только в 2002 году.

¹⁸ Совместно с судьей Коромой (Сьерра Леоне).

непоправимого ущерба, который может произойти в Конго в результате продолжения данного уголовного дела.

*В особом мнении по делу *Авина и другие граждане Мексики (Мексика против США)* (2004 г.) В.С. Верещетин не согласился с позицией большинства Суда, касающейся вопроса исчерпания всех внутренних средств защиты. Суд заявил, что в случае взаимозависимых прав (нарушения прав граждан могут повлечь нарушения прав государства и наоборот) правило исчерпания всех национально-правовых средств не применяется.

Судья Верещетин отметил, что данная позиция не совместима с ранее вынесенными Международным Судом решениями. Более того, отметил он, Комиссия международного права, разработав Проект статей по дипломатической защите, опиралась именно на эту практику Международного Суда.

В то же время, В.С.Верещетин, в конечном итоге, и только исходя из особых обстоятельств данного конкретного дела, высказался против применения правила исчерпания всех национальных средств защиты. Учитывая, что более 50 человек, дипломатическую защиту которых осуществляла Мексика, ожидали исполнения вынесенного им окончательного смертного приговора, судья Верещетин отметил, что в данном случае требовать от Мексики исчерпать все внутренние средства защиты означало бы «прийти к абсурдному выводу, что Суд должен принять решение, которое не имело бы практического эффекта».

Несогласные мнения В.С. Верещетина

В 1995-2006 годах В.С.Верещетин заявил 6 несогласных мнений¹⁹.

*В деле *Проект Габчиково-Надьямарош (Венгрия/Словакия)* (1997 г.) Международный Суд рассматривал дело, касающееся прекращения работы над совместным проектом по строительству дамбы на реке Дунай сначала со стороны Венгрии, а затем – в качестве ответной меры – со стороны Словакии [в то время – Чехословакии]. Суд, признав действия Венгрии как международно-противоправные, тем не менее, признал таковыми и действия Словакии. Судья Верещетин не согласился с таким решением большинства. В обоснование своей позиции В.С. Верещетин сослался на деятельность Комиссии международного права по вопросу о контрмерах, которую он квалифицировал не только как кодификацию, но и развитие норм обычного международного права в данной области, и пришел к выводу, что все требования законных контрмер со стороны Словакии были выполнены. Не соглашаясь с мнением большинства Суда о том, что ответ Словакии был непропорциональным, судья Верещетин отметил, что Суд, тем не менее, не назвал какой-либо другой меры, которая могла быть принята Словакией в рамках «пропорциональности». Проанализировав ситуацию, Владлен Степанович пришел к выводу, что у Словакии в тот момент времени не было никакого другого возможного ответа.

*В деле *Рыболовная юрисдикция (Испания против Канады)* (1998 г.) Международный Суд рассматривал одно из самых интересных дел последнего десятилетия, которое, к сожалению, не получило своего окончательного решения по существу. В данном деле речь шла о праве прибрежного государства устанавливать специальные защитные меры, связанные с рыболовством, в районах открытого моря. Международный Суд признал, что он не имеет юрисдикции рассматривать данное дело, в част-

¹⁹ Из них три идентичного содержания вынесены по одной группе дел – *Югославия против стран НАТО*

ности, по основаниям предмета спора и оговорки Канады о признании юрисдикции Суда.

В своем несогласном мнении судья Верещетин, во-первых, отметил, что большинство Суда неправомерно изменило предмет спора. Спор между Испанией и Канадой является многопредметным, и в его части спор подпадает под юрисдикцию Международного Суда. Во-вторых, Судья Верещетин заявил, что государства не полностью свободны в форме тех оговорок, которые они могут делать к международному договору, в частности, к Статуту Международного Суда.

Данное несогласное мнение судьи Верещетина может служить классическим учебным пособием по вопросу о толковании международного права. Так, В.С. Верещетин привлек внимание к тому, что известное правило о необходимости придания терминам обычного смысла следует толковать в контексте международного права. Следовательно, смысл термина должен придаваться в его обычной форме так, как он понимается именно в международном праве, а не в каких-либо иных науках и областях знаний. Более того, В.С. Верещетин творчески развил теорию телеологического толкования. Применительно к данному делу он отметил, что намерение государства [при заявлении оговорки к Статуту Международного Суда] не может быть истолковано как направленное против международного права и что заявляющее оговорку государство намеревается снять с себя обязанности по международному праву. Таким образом, в целом судья Верещетин не согласился с тем, что Международный Суд не имеет юрисдикции рассматривать дело [частично] по существу.

*Особенно следует отметить несогласное мнение В.С. Верещетина по делам *Законность применения силы (Югославия против десяти стран НАТО)* [Распоряжение о временных мерах, 1999]. Данная группа дел вообще занимает особое место в истории Международного Суда. Не скрою, что лично я ожидал его провозглашения, как никакого другого. Уверен, что такие же чувства испытывали все честные люди планеты. От того, что скажет Суд, могло зависеть, будут ли продолжаться НАТОвские бомбардировки многострадального народа Югославии. На день вынесения решения Суда бомбардировки продолжались уже сороковой день, погибли тысячи людей, и все это демонстрировалось в прямом эфире телевидения! Конечно, даже в случае вынесения *должного* решения, а именно решения о немедленном прекращении агрессии, оставались бы серьезные сомнения в том, прекратились ли бы эти бомбардировки только в связи решением Суда. Однако, как известно, даже ничтожно малый шанс зарождает в душе человека надежду.

Решение большинства Международного Суда навсегда останется как факт двойных стандартов, применяющихся в деятельности Суда, и как отказ в международном правосудии Югославии, подвергшейся жесточайшей агрессии со стороны десяти стран блока НАТО.

В своем несогласном мнении в отношении дел против Бельгии, Канады, Нидерландов и Португалии В.С. Верещетин отметил, что Суд обладает *prima facie* юрисдикцией.

Что касается деклараций судьи Верещетина в отношении дел против Франции, Германии, Италии, Испании, Британии и США, то мы рассмотрим ее суть именно здесь – в разделе о несогласных мнениях. В своих декларациях В.С. Верещетин поднял вопрос о роли Международного Суда в современном мире. Несмотря на согласительный характер юрисдикции Суда, причиной самого существования этого учреждения является мирное разрешение международных споров. Мог ли Международный Суд в ситуации, когда сами основы международного права и всей международной системы были поставлены под угрозу, отклонить иск? Судья Верещетин заявил, что Суд в дан-

ной ситуации должен был призвать стороны не усугублять конфликт и действовать в соответствии с Уставом ООН.

*Дело *Просьба о пересмотре решения 1996 года по спору о применении Конвенции о геноциде (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории)* [Предварительные возражения: Югославия против Боснии и Герцеговины, 2003]

В своем решении большинство Международного Суда отклонило просьбу Югославии (Сербии и Черногории) о пересмотре вынесенного ею решения 1996 года. В решении 1996 года Суд постановил, что он обладает юрисдикцией рассматривать дело о *Конвенции по геноциду (Босния и Герцеговина против Югославии)*. Эта просьба была связана с «открытием» Международным Судом «нового» факта о том, что на момент передачи спора по делам *Югославия против десяти стран НАТО* заявитель жалобы (то есть Югославия) не являлся членом ООН и, следовательно, не имел доступа к Суду. Для спасения стран НАТО даже от самого факта рассмотрения дел против них Международный Суд принял решение, которое должно было с неизбежностью (при условии добросовестности Суда) повлечь пересмотр решения 1996 года. Ибо, если Союзная Республика Югославия не была членом ООН в 1999 году и по этой причине не имела доступа в Суд, то в 1993 году она не могла быть членом ООН и, соответственно, также доступа в Суд не имела. Однако Международный Суд отказал в пересмотре решения 1996 года на том основании, что факт о нечленстве Югославии в ООН не является «новым».

В своем несогласном мнении судья Верещетин заявил, что упомянутый факт является «определяющим новым фактом» по смыслу статьи 61 Статута Международного Суда. Владлен Степанович отметил, что понятие «новизны» не должно сводиться исключительно к феномену объективной реальности, но распространяться и на юридические действия. Так, вынесение решения Международным Судом и его квалификация определенного факта также является новым фактом. Более того, добавил В.С. Верещетин, обнаружение факта ложности сделанного ранее предположения (об обладании Судом юрисдикции в деле) также является законным основанием для пересмотра.

Весьма интересное, особенно для российского читателя, замечание было сделано Владленом Степановичем Верещетиным в отношении сравнения двух – и особо отметим: равноаутентичных – текстов Статута Международного Суда. Если на английском языке Статут использует термин «факт» (fact), то русский текст использует термин «обстоятельства». Таким образом, русский текст Статута полностью доказывает верность позиции Югославии и мнения В.С. Верещетина. Добавим, что и английский текст не противоречит этому выводу.

* * * * *

Конечно, мы должны особо отметить и теоретические труды Владлена Степановича Верещетина.

В целом, его научные интересы связаны, прежде всего, с международным морским правом, международным космическим правом, мирным разрешением споров (и, конечно, деятельностью Международного Суда ООН), а также с общей теорией международного права.

Огромное значение для теории международного права, а также для пропаганды российской школы и российской концепции международного права имеют труды Владлена Степановича, опубликованные в ведущих международных изданиях. Они являются важным элементом пропаганды российской концепции международного

права за рубежом, но также имеют важное значение и для развития самой российской международно-правовой доктрины.

В своей статье «О расширяющемся круге вопросов в деятельности Международного Суда ООН» (Сборник «Общие ценности в международном праве», 2006). В.С. Верещетин обратил внимание на ряд важных новых тенденций современного международного права. Он, в частности, отметил, что в отличие от практики Постоянной палаты международного правосудия и в общем-то недавней практики Международного Суда ООН решения последних лет касаются не только государств как таковых, но и отдельных органов (судебных и административных) государства, требуя соответствия их деятельности вынесенным Судом решениям. В одном случае это было сделано с помощью прямого указания, в других случаях это является ясным логическим выводом. Владлен Степанович также подчеркнул, что в ряде случаев Суд высказал мнение о том, что международные соглашения создают индивидуальные права, на которые, при определенных обстоятельствах, можно ссылаться в национальных судах. Все это доказывает признание Судом возрастающей роли внутригосударственных механизмов выполнения международных обязательств, а также усиливающееся влияние международного права прав человека и международного права в целом в национально-правовых системах»²⁰.

Огромную роль играет Владлен Степанович и в вопросах развития международного права на уровне научно-общественном. В дополнение к уже названным фактам в начале статьи, отметим также его вклад в развитие потенциала Международного Суда ООН в новых областях, в частности, в международном космическом праве (см. материалы работы секции международного космического права, руководителем которой являлся В.С. Верещетин)²¹, и его судейство Модели международного суда по вопросам космического права им. М.Ляхса, Модели Международного Суда ООН (Конкурс им. Ф.Джессопа) и многое, многое другое. Никогда не забуду то внимание, которое оказал Владлен Степанович мне и всей Казанской школе международного права, когда в самые напряженные дни подготовки ряда дел в Гааге нашел время и для нашего проекта в области преподавания международного права и в течение нескольких часов давал интервью для «Казанского видеокурса международного права». Следует сказать, что для казанских студентов изучать деятельность Международного Суда не по сухим строкам учебников, а по живому рассказу судьи Международного Суда, обращающегося к ним персонально, не только намного интереснее, но и намного эффективнее. Проверка остаточных знаний показывает, что те темы, которые изучались с помощью видеокурса²², запомнились студентами намного лучше, чем темы, изученные ими при помощи традиционно читаемых лекций.

В заключение редакция «Казанского журнала международного права» хотела бы выразить свои чувства признательности и глубочайшего уважения выдающемуся судье Международного Суда ООН, крупному российскому ученому, доброму и вни-

²⁰ Vereshchetin V.S., On the Expanding Reach of the Rulings of the International Court of Justice // *Volkerrecht als Wertordnung. Common Values in International Law. Essays in Honour of Ch. Tomuschat*, N.P.Engel Verlag, 2006, p. 621-633.

²¹ См.: *Equipping the Court to Deal with Developing Areas of International Law: Space Law*, // *Proceedings of the ICJ/UNITAR Colloquium to Celebrate the 50th Anniversary of the Court*, ed. By Peck C., Lee R., Martinus Nijhoff Publishers, The Hague/Boston/London, 1996.

²² Выражаем также нашу благодарность выдающимся российским юристам-международникам, откликнувшимся на нашу просьбу и оказавшим поддержку нашим проектам по созданию видеокурса, в первую очередь, профессору Юрию Михайловичу Колосову, профессору Станиславу Валентиновичу Черниченко, профессору Геннадию Владимировичу Игнатенко, профессору Камиллю Абдуловичу Бекашеву.

ХРОНИКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

мательному человеку Владлену Степановичу Верещетину. Тот колоссальный вклад, который Владлен Степанович внес в теорию и применение международного права в рамках Международного Суда, будет изучаться и анализироваться еще в течение долгих лет.

Возвращение Владлена Степановича из Гааги позволит нам ожидать более частых встреч с ним, а также новых книг и статей, надеемся, также написанных и для «Казанского журнала международного права».